

Дорога в дом скорби

Автор: Евгений Толмачёв

В ...ской области есть большой пруд, молчаливо лежащий в отдалении от населённых пунктов. Пруд, окружённый пшеничными полями и перелесками. Окрестные земли принадлежат знакомому моих родителей – владельцу крепкого фермерского хозяйства. Благодаря его неусыпной бдительности сюда не дотянулись сети и электроудочки браконьеров. Жарким августовским днём, мы с братом Мишей, который старше меня на пять лет, вооружившись спиннингами, сели на велосипеды и отправились насладиться природой и половить больших щук, затаившихся в студёной глубине ям у плотин, под поваленными вербами, у высокого камыша. Как ни старался Николай Петрович развести карпа и толстолобика, щуки поедали малька. Поэтому разрешал нам хлестать гладь пруда блёснами и воблерами.

Миновав деревеньку, мы крутили педали по трассе около получаса, свернули вправо на грунтовку, бегущую вниз по скату пологого холма. На полях ершилась золотая стерня. В рюкзаке моём о чём-то весело разговаривали в коробочке блёсны, булькала вода в бутылке. В тополиной посадке оставили велосипеды. Разошлись по разным берегам, чтобы на закате встретиться возле опалённого молнией старого вяза, стоящего, словно изгнанник, поодаль от тополей. Задумали вечером развести костерок и поговорить о том, о чём беседуют люди, проводшие в городе почти год и, наконец, попавшие в царство щедрой земли, чистого воздуха, с пьянящим ароматом полевых трав.

В восходящих потоках парил коршун, пахло горьковатой полынью. В сильной траве, у корней которой робко взглядывали на меня листочки земляники, трещали кузнечики. Горячий ветер дул с

юго-запада. Оводьё в бессильной злобе кружило вокруг шляпы, щедро орошённой репеллентами. Волны перемешивали пену у берега. О чём-то шептал камыш, и я, предчувствуя удачную рыбалку, забросил блесну, которая словно бы коснулась тройниками раскалённого солнца и плюхнулась метрах в сорока от берега. Рыбалка выдалась на славу, но я оставил только самую крупную рыбу – две или три щуки. Вдалеке у воды видел двух волков, скрывшихся в балке, поросшей молодыми вербами.

...Поднявшись к опалённому вязу, я сел на тёплую землю и засмотрелся на заходящее солнце. Облака, похожие на сахарную вату из детства, уплывали вдаль. В них отражался розовый отсвет заката. Мишу не было видно на противоположном берегу. Наверное, он уже возвращался, продираясь сквозь непролазные заросли. Приятная слабость разлилась во всём теле, думалось легко и просторно. Казалось, я чувствовал биение могучего сердца земли, ощущая себя частью леса, стоящего поодаль, частью нагретой солнцем плодородной земли, всего мира. Складывалось впечатление, что я и брат мой, и коршун с волками едины в бесконечном движении, имя которому жизнь. Наверное, я был счастлив в этой затерянности среди полей.

Вскоре показался Миша, облепленный репейником. Даже на бейсболке висел колючий шарик с розовым цветком. Брат шагал устало, но уголки губ трогала наивная улыбка. В капроновой сумке тяжело ворочалась пятнистая с оранжевыми плавниками щука. Сфотографировали улов и отдали Николаю Петровичу, приехавшему проверить – всё ли в порядке.

– Родителям бы взяли, если сами не едите, – отказывался фермер. – Вон щуки-то какие!

– Родителям мы и завтра поймаем. Берите, а то пропадёт за ночь.

– И то правда. Ну, отдыхайте, ребята, отдыхайте.

Николай Петрович сел в серебристый внедорожник и уехал, пыля по грунтовке. Мы принялись разводить костёр, чтобы поджарить пахнущую чесноком колбасу и заварить чаю. Ночь, волчицей пришедшая с востока, набросила покрывало на небо. Вскоре в вышине мерцали несметные звёзды, как бывает только в августе. Свет от костра дрожал на красивом, византийского письма братовом лице. В юности, признаться, я испытывал чувство, похожее на ревность, и хотел быть лучше Миши. Но теперь гордился тем, что у меня такой красивый брат. Миша работал в университете преподавателем, а я – журналистом областной газеты. Я знал, что многие студентки были влюблены в брата и за глаза величали его любовно Дорианом Греем, хотя он ни на грамм не был высокомерным, заносчивым, распущенным.

Почему-то стали говорить о счастье. Что счастье – дело глубоко личное, мол, если хочешь быть счастливым, значит, будь. Рассуждали, спорили о преградах, обстоятельствах, мешающих человеку стать счастливым. Я был твёрдо убеждён, что каждый в ответе за свою судьбу. Миша деликатно не соглашался и вдруг сказал:

– Давно хотел рассказать тебе историю, свидетелем которой стал несколько лет назад. Думаю, ты поймёшь, что жизнь намного сложнее писанных утверждений...

И вот что брат поведал.

– Как-то осенью познакомился с девушкой. Уже на втором свидании она с жаром стала убеждать меня, что хочет семью, и чтобы у её ребёнка был отец. Я изумился такому повороту событий, никак не

ожидая от девушки, создававшей впечатление кроткого существа, силы и напора. Близки мы не были...

Каждый день в социальной сети Оля писала, что я для неё любимый и единственный. На третьем свидании целовались в парке среди облетающих деревьев, где пахло опавшей листвой. Не умея целоваться, Оля в кровь искусала мне губы, а потом, обняв за шею, вперила в меня взгляд печальных больших глаз и, будто отягощённая тяжкой мыслью, молчала. По правде сказать, было в её внешности нечто грубое, без огранки, но вместе с тем, это вызывало жалость. Высокий мужской лоб, густые брови, тонкая верхняя губа и выдающаяся вперёд нижняя говорили, возможно, об упрямом характере, маленький носик терялся на широкоскулом лице, неразвитую грудь мои ладони не чувствовали под лёгкой курткой. Оля не красилась, не носила украшений. Уши её не знали серёжек, не надевала брюк, а лишь кофты и длинные юбки.

– Что ты на меня так смотришь? – смутился я.

– Любуюсь, – тихо ответила Оля, словно замороженная заглядывая в глаза. – Почему мы не можем быть вместе? Почему? Почему?

– Оля, мы с тобой знакомы две недели...

– Миша, ты мне больше чем нравишься, я влюбилась в тебя, давай поженимся! Я не могу без тебя! Почему мы не можем быть вместе?

– Оля, мне кажется, что ты торопишь события.

Она изменилась в лице, опустила руки и отвела взгляд. Провожал её домой. Недалеко от подъезда обшарпанной хрущевки молча простились. Я обернулся. Оля, отдаляясь, шла деревянной походкой растерянного человека, руки висели, как плети. Не оборачиваясь, она вошла в подъезд. Почему-то стало неловко. На следующий день поговорили по телефону, в общем, помирились.

Через неделю пригласила познакомиться с родителями. Поднимаясь по лестнице на третий этаж панельного дома, она вдруг засмеялась. В подъезде стоял тяжёлый дух. Сеяла жидкий свет лампочка, покрытая слоем пыли. Железная входная дверь Олиной квартиры была распахнута настежь. В проходе стояла её бабка, мать – обе в кофтах и длинных юбках – и отец, который лет двадцать с ними не жил. Как по команде ударили в ладоши. Пуще остальных старалась бабка – скуластая, большая, но с маленькими деспотическими руками. Разуваясь, обратил внимание на количество задвижек и шпингалетов входной двери. Стены в квартире были сплошь увешаны то ли иконами, то ли не пойми чем, на письмо которых я не обратил внимания. Но больше всего запомнилась маленькая, как бы стеснённая мрачными образами в грубых окладах картина с изображёнными тюльпанами.

– Жениться принуждали? – спросил я, посмеиваясь. – Под образами? Заперли на все замки и заставили жениться?

– Не перебивай. За столом говорили о всякой ерунде: о работе, о болезнях. Тогда пандемия на пике была. Я чувствовал напряжение, подспудно понимал, что разговор хотят повернуть на другое. И вдруг Олин отец спросил – когда свадьба? Очевидно, что вопрос этот подбили задать мать и бабка, всё время переглядывавшиеся.

– Как заговорщики. И что ты ответил? – спросил я.

– Сказал, что знакомы всего ничего. Будущий тесть вскоре поспешил домой, отбыв повинность, сказал, что дети болеют. Оля, когда говорила мать или бабка, глядела на них с собачьей преданностью в глазах, словно ища одобрения. И всё – «да, мамочка?», «да, бабушка?», «верно же, бабушка?».

– А сколько ей лет было?

– Двадцать пять.

– Пора бы своё мнение иметь. Но я тебе, Миш, так скажу – какой-то там нехороший сюрприз таился. Ну, рассказывай дальше.

– Так вот, Женёк. В общем, меня одобрили. И стал я у них бывать раза по два в неделю. Только закроюсь в комнате, бабка уже стучит крепким кулачком: «Оля, что вы там затихли? Оля, что за тишина?» Дальше поцелуев дело не заходило. Как ты думаешь, что стояло на столе в её комнате?

– Не знаю, может, портрет Криштиану?

– Если бы... Со стола на наши объятия глядела большая мрачная картина в серой раме. И Оля страшилась перед ней целоваться, нужно было протискиваться между столом и шкафом... Эта гнетущая атмосфера, тайны и странности незнакомой семьи меня тяготили, и я напрямую спросил – почему она не может прийти ко мне?

– И что ж ей мешало?

– Придумывать начала, дескать, в каком статусе я к тебе приду? Дальше – больше... Пошли прогуляться. На улице холодно, накрапывал дождь, и она, выйдя из подъезда, позвонила бабке, чтобы та ей шапку бросила из окна. В пакете. И вновь – «бабушка, а можно я пакетик в урну выброшу?»

– Кошмар! Миш, а её мать и бабка спрашивали про нашу семью?

– Никогда, словно я без рода и племени! После каждого выходного, когда я уезжал к своим, начинались истерики: я тебя люблю, жить без тебя не могу, почему мы не можем быть вместе? Мне, мол, сказали, что если есть любовь, то нужно быстро идти в ЗАГС! Чем жила эта семья?... Теперь, когда я приходил, бабка постоянно

хворала, и почему-то лежала и охала не в своей комнате, а в комнате Оли...

– Это, братец, чтобы тебя не впускать.

– И случайно, когда странный, опутанный тайнами и паутиной лжи роман наш расстроился, узнал, что мать и бабка её, как бы так выразиться, состояли в какой-то секте... И Олю туда втянули. Город не такой уж большой, так или иначе найдутся общие знакомые. За малейшую провинность её, взрослую девушку, считай, невесту, таскали за волосы, ставили на колени на гречку.

– На гречку?!

– Но это я вперёд забежал. Оля рассказывала, как в детстве ей запрещали играть с другими детьми, а она подкладывала под одеяло куклу и сбегала, а после её наказывали... В общем, девушка выросла забитым, опутанным всевозможными запретами существом без собственного мнения и взглядов на жизнь. Я настаивал – переходи ко мне, но она придумывала отговорки, а когда стало невозможно находиться в её квартире, когда достали эти нудные, язвительные расспросы о женитьбе подозрительной мамы и желчной бабки, это бесконечное нытьё, Оля втайне взяла ключи от ещё одной квартиры, записанной на бабку. Квартира оказалась самым экзотическим местом, где мне приходилось встречаться с девушкой. Мрачные образа и, представляешь, удушающая атмосфера: целуемся, а у самого по спине мурашки, – того и гляди из-за плеча рогатая козлиная морда высунется. Складывалось впечатление, что квартира-то не пустует... Спустя несколько дней мы и расстались. Оля, это забитое, жалкое существо, проболталась о нашем приключении, и её заставили разорвать отношения. Наверное, из-за того, что я узнал одну из сокровенных тайн этой семьи.

– Да. И её поставили на гречку. Она о разрыве при встрече сказала?

– Какой там! Написала смс. Звонил раз тридцать – трубку не брала, писал, чтобы не торопилась с решением, но ответила, мол, папа настоял расстаться.

– Ага, папа, который двадцать лет с ними не живёт, вершит судьбу любимой доченьки. Конечно, можно валить на этого папу, как на мёртвого. Сам-то, наверное, еле ноги унёс от этих... Но я думаю, что не любила она тебя. Ты просто был для неё глотком свежего воздуха.

У меня, конечно, возникли свои подозрения насчёт того, почему родня и Оля всё со свадьбой поспешали, отчего эта загадочная история тянулась ровно два месяца, и резко оборвалась, когда вышел срок... Но не стал беречь душевные раны брата. Неподаляку хрипло завыл волк. Мы насторожились. Я подбросил сухих веток в костёр, радостно затрепавший с новой силой, и сказал брату, задумчиво глядевшему на усыпанное самоцветами летнее небо:

– Волков днём видел.

– Ты знаешь, я Оле аметист подарил, – с тоской сказал Миша.

– Это из тех камней, что мама из Якутии привезла?

– Да.

– Ах ты воришка! Это ж надо – втихаря залез в мамин шкаф.

Воздух остывал, но костёр дышал на нас жаром, костёр потрескивал, в тёмную высь, петляя, устремлялись красные искры. В круг света влетела бабочка мёртвая голова с жирными от серой пыльцы крыльями. Я достал из Мишиного рюкзака покрывала. Земля отдавала последнее тепло ушедшего дня. В траве звенели

сверчки, у плотины тяжело ударила крупная рыба. Лунная дорожка серебряным ремнём перехватила могучую грудь большого пруда, казалось, что из посадки за нами кто-то наблюдает, и ничто не торопится засыпать, что сама ночь слушает эту печальную историю.

– Миш, как сложилась её жизнь?

– Как сложилась... Стаса знаешь же?

– Это твой друг, что психиатром работает?

– Да, в доме скорби на Котельной. В общем, заехал забрать его – на день рождения собрались. Жду неподалёку от решётчатого забора, за которым душевнобольные прогуливаются. И вдруг как-то не по себе стало, как тогда в молельной квартире... Обернулся, а поодаль у можжевельового куста девушка в жёлтом платке. Было похоже, что на меня глядит. Подошёл Стас. Когда сели в машину, я обернулся, а девушки уже нет.

Стрелки механических часов «Восток» спешили к полуночи. Сновидения оставили меня, бродили где-то поблизости с ночными тенями. Я смотрел на небо и вдруг увидел, как, пылая огнём аметистового цвета, полосонула по небосводу умирающая звезда, угаснув навсегда в бесконечной глубине. На противоположном берегу вновь затянул унылую песню волк...